

УДК 94(574)

ББК 63.3(5Каз)-36

И. В. Анисимова

Вопрос об эффективности реформирования традиционной судебной системы казахского общества (80–90-е гг. XIX в.)*

I. V. Anisimova

On Issue of Traditional Judicial System Reform Efficiency of Kazakh Society (1880–1890s)

Исследуется традиционная казахская судебная система. Принятие Положения об управлении Туркестанского края 1886 г. закрепило особый статус традиционного казахского народного суда в правовой системе общества. Однако практическое применение Положения выявило существенные недостатки проводимых реформ. Представители центральных и региональных органов власти осознавали негативное значение самостоятельности и широкой юрисдикции народного суда для процесса интеграции судебной системы казахского общества в общеимперское правовое пространство. Критике подвергалась утвержденная структура судебной системы, принцип выборности суда, бесконтрольность со стороны региональной администрации. Анализ деятельности традиционной судебной системы в конце 80–90-х гг. XIX в. позволил говорить об ее несостоятельности и неэффективности. Была очевидна необходимость коренных преобразований народного суда по пути его постепенного включения в общеимперскую правовую систему.

Ключевые слова: народный суд, судебная реформа, законодательство, Степной край, Туркестанское генерал-губернаторство.

DOI 10.14258/izvasu(2013)4.2-22

На протяжении XIX в. Россия планомерно проводила политику интеграции национальных окраин в общеимперское пространство. Особый интерес вызывает реализация данной концепции в Степном крае и Туркестанском генерал-губернаторстве, где модернизация привела к коренной трансформации традиционных социальных институтов. Наиболее сложно происходили изменения в традиционной судебной системе казахского общества. По мнению Туркестанского генерал-губернатора А. Б. Вревского, организация судебной части, введенная Положением об управлении Туркестанского края 1886 г. (далее Положение) [1], «представляет собой попытку совместить основные начала уставов императора Александра II с дореформенными судебными установлениями,

«The Statute on the Administration of Turkestan Kray», approved in 1886, consolidated special status of traditional Kazakh People's Court in the legal system of society. However, practical application of the «Statue» revealed considerable defects of those reforms. Representatives of central and regional authority realized negative impact independence and wide jurisdiction of the People's Court had on integration of Kazakh judicial system into the common legal framework of the Russian Empire. The approved structures of juridical system, court elective principle, lack of control on the part of regional administration were sharply criticized. The principle of «independence» of the people's court prevented it from systematic integration of the traditional judicial system into imperial legal framework. The analysis of the traditional juridical system activity in late 1880–1890s proved its insolvency and inefficiency. The need to integrate the People's Court into imperial juridical system became obvious.

Key words: people's court, judicial reform, legislation, the Steppe region, Turkestan general-governorship.

но подобное совмещение весьма скоро высказало свою несостоятельность и потребовало принятия особенных мер для устранения вредного влияния своего на общественную жизнь края» [2, л. 10].

Во всеподданнейшем докладе за 1895–1897 гг. барон Вревский, анализируя преобразования судебной части в Туркестанском генерал-губернаторстве на основе Положения 1886 г., определил наиболее существенные недостатки нововведений. Наиболее критично генерал-губернатор Вревский относился к «независимости» народного суда и подчеркивал, что Положение 1886 г. юридически закрепило «полное обособление в судебном отношении туземного населения от влияния на него русской администрации, русского суда и русских законов и подчинение

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ проекта проведения научных исследований «Политика России в Центрально-Азиатских национальных окраинах (Степной край и Туркестанское генерал-губернаторство) в XIX – начале XX вв.», проект №12-01-00281; «Центральноазиатский регион в системе внешних отношений России и Китая: история и современность», проект №12-31-09012.

его безапелляционному и бесконтрольному народному суду с громадной для низшей инстанции юрисдикцией и пристрастными продажными судьями, представляющими в то же время столпы мусульманского фанатизма» [2, л. 10]. В отчетах генерал-губернатор неоднократно докладывал о «пагубности для Туркестана полного отделения власти судебной от административной» и говорил о необходимости усиления последней «ввиду прямого воздействия на быт местного населения для скорейшего его слияния в одно целое с населением остальной империи».

Подобная позиция в отношении судебной системы была характерна и для предшественника Вревского — генерал-губернатора К. П. Кауфмана, который признавал необходимым ограничить замкнутость, бесконтрольность и широкие компетенции народных судов по следующим статьям: по наложению взысканий по уголовным делам до трех месяцев вместо утвержденных Положением 1886 г. полутора лет, а в отрасли гражданского права изъять из ведения народного суда семейные и брачные дела, «в которых гнет мусульманского обычного права всего больше отражался на печальном положении всей женской половины местного населения» [2, л. 11].

Хотя бы постепенное принятие подобных мер, по мнению барона Вревского, могло способствовать укоренению в населении сознания справедливости русских законов, но Положение 1886 г., внедряя принцип «независимости» народного суда, сводило на нет этот процесс.

Также генерал-губернатор отмечал неэффективность введенного в Туркестане института мировых судей. Причину неэффективности Вревский видел в «недостаточной приспособленности (института мировых судей. — *И. А.*) к местным условиям». Мировые суды были настолько ограничены в своих полномочиях, что «двери оказываются закрытыми даже для тех туземцев, которые, сознавая превосходство русских законов, пожелали бы обратиться к русскому суду, вместо своего народного». Администратор подверг критике и нововведенный институт областных судов — вторую инстанцию судебной системы. В Туркестанском генерал-губернаторстве областной суд был создан на основании практически повсеместно отмененных дореформенных судебных установлений, которые «дали суд не только письменный, заочный и тягостный своей медленностью, но и не всегда правый — по невозможности иногда судить безошибочно на основании одних следственных материалов, без опроса подсудимого и свидетелей, суд, доходивший поэтому в своих невольных ошибках даже до осуждения не тех лиц, которые принадлежали суду» [2, л. 10–10об.]

Не менее важным недостатком Положения 1886 г. являлось, по мнению генерал-губернатора, отсут-

ствие в созданной судебной системе объединяющей деятельность судов Туркестанского края апелляционной инстанции, соответствующей судебным палатам Российской империи, юрисдикцию которой для края заменял Правительствующий Сенат.

Лишь спустя несколько лет, в 1899 г., в азиатской части России была открыта первая судебная палата — Ташкентская.

Генерал-губернатор, видя значительные недостатки существующей судебной системы, указывал на необходимость скорейших преобразований. В качестве меры, способствующей унификации традиционного казахского суда с общеимперским, генерал-губернатор Вревский предлагал ввести в Туркестане институт, аналогичный земским начальникам в Европейской России, отмечая, что в таком случае казахскому обществу «может быть дан суд близкий, скорый, устный и правый, который, ослабив значение казиев и биев, подготовит слияние отдаленной мусульманской окраины с остальной Империей на почве общего правового порядка и позволит в недалеком будущем упразднить непомерную юрисдикцию народных судов в Туркестане, сведя их на вполне подобающую им роль общеимперских волостных судов» [2, л. 12–12об.].

Сохранение традиционного народного суда по Положению 1886 г. осложнило судебную систему казахского общества. По мнению одного из чиновников, готовившего материалы для ревизии Туркестанского края, проводимой К. К. Паленом, «вырабатывая Положение 1886 г., составители смешали шариат и адат и выработали закон о народном суде непонятный» [3, л. 24].

Неоднократно чиновники критиковали и данный народному суду принцип выборности, который был впервые обозначен во «Временном положении об управлении в Степных областях» 1868 г. [4], а позднее закреплён в Положении 1886 г. Предполагалось, что выборное начало суда позволит ему быть гласным, открытым и демократичным, даст казахскому обществу выбрать для управления достойных и компетентных, пользующихся уважением представителей. В действительности оказалось, что «родовое начало стало непреодолимым препятствием на пути развития общественности среди киргизов (казахов. — *И. А.*), а выборное самоуправление еще более обострило нескончаемую борьбу родовых партий. Быстро ориентируясь в местном законодательстве, родовые старейшины воспользовались самоуправлением, как средством для осуществления родовых домогательств и способом для личного обогащения и достижения власти» [5, с. 40]. Верненский уездный начальник в своей записке о народном суде характеризует предвыборную борьбу в Степи [6, л. 21–21об.], отмечал, что в волостях партийные выборы сопро-

вождаются подкупами, интригами, беспорядками и даже иногда убийствами. Вот как он описывал предвыборную борьбу родовых партий: «...обе враждующие партии имеют особые названия: партия, имеющая в своих рядах наличного волостного управителя именуется «акъ-черю», и партия, ей противная, «кара-черю». Цель домогательств каждой партии — получить на свою сторону весь народный суд и волостного управителя, приобрести этим путем преобладание во всех делах над противною партией и средство эксплуатировать ее в течение трех лет. Игра, требующая внимания, расчета, ведется мудрыми старейшинами, объединяющимися в каждой партии под управлением наиболее старших и почетных главарей партии и ведется на большинство выборных всей волости, избираемых на аульных съездах. Аульные же общества состоят или целиком из родовых групп одной партии, или же заключают в себе представителей обеих партий. В первом случае выборные являются естественно представителями одной партии, во втором приобретение выборных на сторону той или другой партии становится делом спорным, так как та партия получит возможность выставить своих выборных, на стороне которой в этом аульном обществе окажется большинство голосов... Основую выборов в волости являются выборы первой степени, почему пред главарями партий встает нелегкая задача произвести целый ряд комбинаций среди родовых групп всей волости с таким расчетом, чтобы в каждом аульном обществе создать большинство голосов на своей стороне. Старшины каждой партии множество раз собираются на совещания, на которых избирают заблаговременно своих кандидатов на должности волостного управителя, народных судей, аульных старшин и волостных выборных, вырабатывают планы кампании, выборной интриги, собирают деньги на подкуп с населения» [6, л. 21–21об.].

Перед выборами начиналась «тартма», т. е. переманивание кибитковладельцев на сторону своей партии путем уговоров и подкупа, а нередко и насилием. Как отмечалось в материалах ревизии К. К. Палена, партия «акъ-черю» при помощи волостного управителя «прибегает нередко к подлогам в посемейных списках, лишь бы увеличить свои шансы, хотя бы искусственным созданием большинства». Стремление ослабить соперника приводило к тому, что во время предвыборной кампании возбуждалось множество уголовных дел, «волостной управитель составляет протоколы, привлекая к ответственности представителей противной партии сплошь и рядом за вымышленные преступления... партия «кара-черю» не остается в долгу и засыпает правительственные места кляузными жалобами против волостного управителя, народных судей и других представителей своих противников» [5, с. 41].

Несложно предвидеть итог выборной кампании. Победившая партия «живет в течение трех лет относительно спокойно под крылом "своего" суда и "своей" волостной администрации, освобождается от повинностей, не облагается поборами, выигрывает все начатые ее членами или против них дела. Побежденная партия, наоборот, несет двойные повинности... и разоряется народным судом» [5, с. 41]. Безусловно, при таком характере выборов говорить об эффективности нововведения совершенно невозможно.

В качестве меры, направленной на борьбу со злоупотреблениями биев при выборах, А. Соколов, один из чиновников, собирающий материалы для ревизии Туркестанского края, предлагал развести выборы судебной власти и волостной администрации и производить выборы судей «сходом домохозяев известного аула, а не пятидесятниками. Только в этом случае бии будут пользоваться доверием и будут меньше злоупотреблять своим влиянием» [7, л. 14об.].

Существенную роль при этом играли народные судьи. Один из чиновников туркестанской администрации, в своем докладе «О русском и народном судах» крайне негативно высказывался о народном судье: «Опыт службы и наблюдение за деятельностью народного суда привели меня к такому выводу, что избранные народные судьи стоят на низшей ступени умственного развития, не грамотны, часто совершенно не знакомы с адатом» [3, л. 23об.]. По его мнению, компетенции народных судей должны быть сокращены, «народным судьям нельзя давать такую власть, какая им дана по ст. 219¹, денежное взыскание должно быть до 100 рублей и заключение под стражу до 6 месяцев». Чиновник отмечал, что принцип выборности народных судей необходимо сохранить, но срок полномочий должен быть увеличен до 9 лет², важным принципом для выбора на должность должна быть грамотность претендента, «хотя по туземному и знакомые с писанным адатом». Число народных судей у кочевников должно быть уменьшено с 4 до 2-х на волость.

Мнение о сокращении штата судей нашло поддержку и в отчете по ревизии Туркестанского края, проводимой К. К. Паленом. В материалах ревизии подчеркивалось, что широкий состав народных судей (не менее 4 человек на волость) был изначально направлен на создание гарантий против личного или партийного пристрастия народных судей, однако на деле оказалось, что в судьи попадают лица,

¹ Согласно статье 219 Положения 1886 г. народный суд имел право налагать на виновных следующие наказания: 1) денежные взыскания не свыше трехсот рублей, 2) заключение под стражу не свыше одного года и шести месяцев.

² По Положению 1886 г. судья избирался на три года (ст. 221).

«принадлежащие к одной наиболее сильной в волости партии, и каждый из них, находясь в зависимости от избравших его, не позволит себе уклониться от соблюдения партийных интересов» [5, с. 47]. В связи с этим расширенный состав народных судей «не обеспечивает в достаточной мере беспристрастного отправления правосудия и, вместе с тем, тяжелым бременем ложится на население» [5, с. 48].

Важным, по мнению одного из чиновников туркестанской администрации, должно было стать определение денежного содержания народного судьи. По Положению 1886 г. народные судьи не имели содержания от государства, а получали за свою работу вознаграждение «на основании существующих по сему предмету обычаев» (ст. 226). Чиновник отмечал, что «всякие бийлыки (вознаграждения) должны быть уничтожены, потому что уследить за правильностью взыскания бийлыка нельзя, жалоб на лихоимства судей очень много и по большей части они кончаются ничем, благодаря только тому же бийлыку» [3, л. 24об.], поэтому правильнее назначить народным судьям содержание от волости в размере 900 руб., а также дополнительно на канцелярские расходы и проезд до 600 руб.

Производитель работ по исследованию судебной системы Туркестанского края А. Соколов отмечал, что круг дел, подведомственных народным судьям в казахских волостях, обширен, в него входят «денежные иски на какую угодно сумму, все наследственные, семейные и имущественные дела, а также и уголовные, кроме убийств и грабежей». Такие широкие полномочия, по мнению Соколова, охватывали во всем объеме жизненные интересы и взаимоотношения казахов. К этому необходимо добавить, что размер налагаемых наказаний также настолько обширен и тяжел, что, по мнению чиновника, «становится понятным то огромное влияние, которое имеют у киргиз бии, владеющие таким страшным орудием воздействия на массу» [7, л. 8].

Таким образом, народный суд в силу огромной компетенции, предоставленной ему законодательством, безгранично властвовал и действовал совершенно произвольно. К. К. Пален, проводивший ревизию Туркестанского края, отмечал, что «назначение народного суда отправлять правосудие по обычаям, на основах патриархального быта, выродилось в лицепрятное служение со стороны судей хищническим инстинктам партийных главарей и угнетение народных масс» [5, с. 42].

Недостатком существовавшей в конце XIX в. судебной системы в Степном крае и Туркестанском генерал-губернаторстве, по мнению большинства российских чиновников, связанных с регионом, являлись ограниченные возможности тяжущихся судиться в русском суде. В ст. 215 Положения 1886 г. говорится: «Дела, подсудные народному суду, могут подлежать разбору Мирowego Судьи

или Областного Суда не иначе, как по желанию обеих сторон, заявленному Суду письменно или словесно, со внесением в протокол» [1]. Чиновники настаивали, что тяжущимся необходимо предоставить право вести дела в русском суде по заявлению одной стороны. «Введя 215 статью, — писал один из чиновников, — сделана была большая ошибка, отдав киргиз (казахов. — И. А.) в руки народного суда: правая сторона всегда желает судиться у русского суда, а сторона неправая препятствует этому» [3, л. 24].

Конечно, данная статья снижала эффективность самого процесса интеграции традиционной судебной системы в общеимперское правовое пространство. Осужденное или недовольное решением лицо не могло, без согласия другой стороны, перенести дело в русский суд для пересмотра его по существу, а возможность обратиться с жалобой для рассмотрения на съезде народных судей не приводила к существенным изменениям. На съезде, как отмечал чиновник А. Соколов, «решения единоличных судей редко отменяются, так как бии друг друга поддерживают. Русский суд вмешивается только при формальных нарушениях или когда дело не подсудно народному суду» [7, л. 8].

Собрав значительный материал по действующей в Туркестане на начало XX в. судебной системе А. Соколов пришел к выводу, что «потребность многочисленного туземного населения в справедливом нелицеприятном и неподкупном суде не может почитаться удовлетворенною; об этом свидетельствуют и заявленные ревизующему Сенатору многократные ходатайства различных групп туземного населения и прошения отдельных лиц об упразднении народного суда или разрешении обращаться по свободному выбору одной из сторон к русскому суду. Рассмотрение целого ряда решений народных судов, постановленных по однородным делам и друг другу противоречащих, привело вместе с тем, к убеждению, что причина неудовлетворительного отправления правосудия среди туземцев кроется, помимо процессуального несовершенства самих судов, в свойствах применяемых ими материального права, сбивчивого и недоступного пониманию широких масс населения». По мнению чиновника, «составители Положения 1886 г. не решились дать в руководство народным судьям доступный общему пониманию, приноровленный к местным потребностям и согласованный с основными принципами русского права кодекс, а ограничились изданием статьи 210, уполномочивавшей народные суды как кочевого, так и оседлого населения решать дела «на основании обычаев», совершенно упустив из виду, что у оседлого населения правовых обычаев не существует, так как они поглощены всецело писаными правилами шариата» [2, л. 49–50].

Таким образом, мероприятия по реформированию традиционной судебной системы показали к концу

XIX в. свою несостоятельность. Положение 1886 г., которое по праву можно считать «итогом двадцатилетней законотворческой деятельности местных и центральных властей, свидетельством сохранения главной тенденции политики царского правительства в Центральной Азии, направленной на органическое слияние Туркестана с остальной империей, частным

проявлением общего курса имперской политики в отношении окраин» [8, с. 109], в отношении реорганизации судебной системы региона показало свою неэффективность. Очевидно, что ход преобразований требовал более решительных мер от центральных органов власти в процессе интеграции казахского традиционного суда в общеимперское правовое пространство.

Библиографический список

1. Положение об управлении Туркестанского края 1886 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.hrono.ru/dokum/turkestan1892.html>.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 1396. — Оп. 1. — Д. 8.
3. РГИА. — Ф. 1396. — Оп. 1. — Д. 392.
4. Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях (21 октября 1868 г.) // Древний мир права казахов: материалы, документы и исследования: в 10 т. — Алматы, 2005. — Т. V.
5. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К. К. Паленом. Народные суды Туркестанского края. — СПб., 1909.
6. РГИА. — Ф. 1396. — Оп. 1. — Д. 393.
7. РГИА. — Ф. 1396. — Оп. 1. — Д. 389.
8. Центральная Азия в составе Российской империи. — М., 2008.